

«МИР НЕ УЗНАЛ БЫ О ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ ТРАГЕДИИ, ЕСЛИ БЫ ПОСЛЕ АВАРИИ РАДИАЦИОННОЕ ОБЛАКО НЕ ПЕРЕСЕКЛО ГРАНИЦЫ СССР»

Ровно 30 лет назад произошла крупнейшая в истории атомной энергетики техногенная катастрофа

В 1 час 23 минуты 26 апреля 1986 года на четвертом энергоблоке ЧАЭС в ходе проектного испытания турбогенератора произошла серия взрывов, которые полностью разрушили реактор. Два сотрудника станции погибли сразу. Радиация, попавшая в атмосферу, уже через несколько часов достигла Швеции и Финляндии, а к утру следующего дня накрыла север Италии и дошла аж до Ирландии.

Крупнейшую в СССР атомную станцию построили в 18 километрах от Чернобыля, неподалеку от границы с Беларусью, в ста километрах от Киева. Рядом с ЧАЭС вырос молодой город атомщиков Припять — с широкими улицами и тротуарами, детскими площадками и стадионами. За 30 лет после аварии все они превратились в непроходимые заросли.

Среди причин катастрофы называли недостатки конструкции ректора и человеческий фактор. Мощный выброс радиации унес жизни тысяч людей, стал причиной многих заболеваний, нанес огромный ущерб экологии и, в конечном итоге, повлиял на ход истории. Чернобыльская катастрофа стала символом кризиса советской системы и в какой-то мере ускорила распад тоталитарного государства. Люди ждали, что руководители страны объяснят, насколько опасны последствия аварии на ЧАЭС. Но власти молчали. Информацию об уровне радиации и способах защиты от нее граждане черпали из радиопередач «вражеских голосов».

Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев

обратился по телевидению к советскому народу лишь 14 мая: «Благодаря принятым эффективным мерам сегодня можно сказать: худшее позади. Наиболее серьезные последствия удалось предотвратить». По его словам, ничего страшного не произошло, в мире, дескать, есть более серьезные и важные проблемы — например, ликвидация атомного оружия и создание системы международной безопасности. Как водится, советский генсек обвинил страны НАТО и США в том, что они якобы используют тему Чернобыля, дабы «опорочить Советский Союз» и «ослабить воздействие советских предложений по прекращению ядерных испытаний...»

«Я вам гарантирую: если бы после аварии на ЧАЭС радиационное облако не пересекло границы СССР, мир не узнал бы о той трагедии», — сказал в свое время в интервью «ФАКТМ» глава Киевского облисполкома, член правительственной комиссии по ликвидации последствий катастрофы Иван Плющ. По его словам, на заседаниях комиссии военные, министры и светила науки, «которым награды уже некуда было вешать», утверждали о «нулевой радиации».

А в это время у сотен тысяч людей, обратившихся за медицинской помощью, врачи, пряча глаза, не находили связи между пребыванием в зоне радиационного загрязнения и резким ухудшением здоровья. Подобная статистика еще на долгие десятилетия после катастрофы оставалась засекреченной.

Фото Игоря КОСТИНА

«В ОЖИДАНИИ АВТОБУСОВ ДЛЯ ЭВАКУАЦИИ ПРИПЯТЧАНЕ ИГРАЛИ В БАДМИНТОН. НЕКОТОРЫЕ ВЗЯЛИ С СОБОЙ ШАМПУРЫ И УДОЧКИ. КАЗАЛОСЬ, ЧТО ВСЕ ЕДУТ ЗА ГОРОД НА БОЛЬШОЙ ПИКНИК»

Эвакуация жителей Припяти началась 27 апреля в 14.00. Никто из горожан тогда и предположить не мог, что, покидая город «на три дня», они никогда больше сюда не вернуться. Из Киева и области в Припять прибыли

1225 автобусов. На железнодорожную станцию Янов подали два дизельных поезда. В последний момент тем, у кого были автомобили, разрешили уехать самостоятельно. Почти 50-тысячный город эвакуировали в течение трех часов.

До конца 1986 года опустели еще 187 населенных пунктов. Вместе с людьми из зоны заражения вывезли порядка 60 тысяч голов крупного рогатого скота и других сельскохозяйственных животных.

— На момент аварии мне было десять лет, — вспоминает бывший припятчанин Александр Галух. — Рано утром в субботу, 26 апреля, меня разбудил звонок в дверь. Пришел мамин брат Николай с приятелем. Оба были дозиметристами, работали в ночную смену на втором энергоблоке ЧАЭС. Они рассказали, что два ночных хлопка, которые мать приняла за отдаленные раскаты грома, на самом деле были взрывом четвертого реактора, что ситуация очень опасная. Полусонная мать поинтересовалась, сколько они выпили. Друзья ответили, что им выдали по 150 граммов спирта для защиты от радиации. «Понятно», — сказала мама и отправила гостей спать.

Мой старший брат в это время был на военных сборах и ночевал в школьном спортзале. Мы жили в начале главной улицы Припяти — на проспекте Ленина, 1 в панельной пятиэтажке. Из нашего дома, даже с первого этажа, хорошо была видна станция, находившаяся всего в трех километрах. Над ЧАЭС стоял дым. Впрочем, особой тревоги это не вызвало. Мать сказала, что пожар скоро потушат, а отец добавил, что на станции и раньше случались происшествия. Действительно, чего страшного можно было ожидать от солнечного субботнего утра, когда все вокруг цвело, зелене-

ло и благоухало? В городе играли свадьбы и проводили спортивные соревнования. Дети играли в песочницах, смеялись и бегали, пытаясь поймать за хвост невидимую радиацию. Взрослые занимались своими делами и обсуждали слухи.

Правда, многие недоумевали, почему не работает междугородная телефонная связь. Многие не знали, что радиация распространяется по воздуху. Многие не знали, что радиация распространяется по воздуху. Многие не знали, что радиация распространяется по воздуху.

связь и почему из Припяти не выпускают транспорт. Въезд в город тоже был запрещен... В школе нам выдали горькие на вкус таблетки — для защиты щитовидной железы от радиоактивного йода. После уроков учителя сказали всем идти по домам и не выходить на улицу. Но никто, естественно, не послушался. Собрав дворовую команду, мы отправились играть в футбол на площадку, которую вертолеты, кружившие над ЧАЭС, облюбовали для посадки. При приближении «вертушки» разбегались врассыпную, а потом снова возвращались к игре. О радиации, конечно, все знали, но мало кто понимал, какой на самом деле ее уровень — нормальный или завышенный, и насколько это опасно. Некоторые люди жаловались на тошноту, а у одной женщины даже пошла носом кровь, и она очень испугалась, поскольку раньше такого с ней не случалось. По улицам все время ездили поливальные машины, сновали солдаты и милицейские патрули, из брандспойтов мыли стены домов. Но особой тревоги не чувствовалось, скорее,

было любопытство, которое позже вылилось в проблемы со здоровьем. Многие жители Припяти поднимались на крыши, чтобы посмотреть на разрушенный и горящий энергоблок.

А на следующий день, 27 апреля, по радио от имени горсовета сообщили о «неблагоприятной радиационной обстановке» и «временной эвакуации в близлежащие населенные пункты Киевской области». Припятчанам рекомендовали взять документы, вещи первой необходимости и продукты питания на несколько дней. По радио не сказали, как долго

продлится эвакуация, но все почему-то были твердо уверены, что три дня. Дескать, город помоят, и все будет как прежде. В ожидании автобусов люди играли в бадминтон. Некоторые взяли с собой шампуры и удочки. Казалось, что все собрались за город на большой пикник. В последний момент разрешили уехать из Припяти на частном транспорте. Отец побежал в гараж за «Москвичом», в который сумели влезть семь человек... Кстати, не все пожилые люди согласились покинуть город. В нашем доме один пенсионер напрочь отказался выходить из квартиры и не открыл дверь даже милиции.

Позже всех «отказников» все же собрали вместе и вывезли из Припяти. Оставаться не было смысла, поскольку после эвакуации дома обесточили, воду отключили. Мама рассказывала, как в начале мая вернулась в оставленную квартиру за забытыми документами и едва не упала в обморок от запаха разлагающихся в холодильнике замороженных венгерских кур...

«ГОРБАЧЕВ СКАЗАЛ ЩЕРБИЦКОМУ: «НЕ ПРОВЕДЕШЬ ПЕРВОМАЙСКУЮ ДЕМОНСТРАЦИЮ — МОЖЕШЬ РАСПРОЩАТЬСЯ С ПАРТИЕЙ»

Когда зарубежные газеты и телеканалы уже тиражировали информацию о катастрофе, случившейся в ста километрах от Киева, руководство СССР продолжало замалчивать реальные масштабы аварии на атомной электростанции. Более того, советские власти решили показать, что в Багдаде все спокойно, и 1 мая в Киеве вывели людей на праздничное шествие.

Первый секретарь ЦК КПУ Владимир Щербицкий, как потом вспоминали знающие люди, якобы спросил Москву отменить мероприятия по случаю Первомая, но получил строгий приказ: не поднимать панику. «По традиции демонстрация начиналась ровно в 10.00. Все ждут, а Владимира Васильевича все нет. Вдруг подъезжает машина, он выходит чернее тучи... Позже стало известно, что накануне он говорил с Горбачевым. И тот ему сказал: «Если не проведешь демонстрацию, то можешь распрощаться с партией». Тогда говорили, что если бы Щербицкий набрался смелости и своим волевым решением отменил демонстрацию, то стал бы национальным героем... Да никто в те годы не мог такое сделать! Тем более убежденный коммунист! Владимир Васильевич говорил, что нельзя допустить паники. Ведь мало кто об этом знает, но тогда обсуждали вопрос об эвакуации всего Киева», — рассказывала «ФАКТМ» супруга Владимира Щербицкого Рада Гавриловна.

Первый секретарь украинской Компартии взял с собой на Первомайскую демонстрацию внука Володю, чтобы показать людям: причин для паники нет. Пришел на Крестик с детьми и внуками и тогдашний председатель Киевского горисполкома Валентин Згурский. А 6 мая на площади Победы торжественно стартовал советский этап «Велогонки мира». Правда, многие спортсмены из западных стран на соревнование не приехали.

Несмотря на разгар антиалкогольной кампании, в Киеве появилось в свободной продаже сухое красное вино — «от радиации». Народ повеселел и отреагировал анекдотами и стихотворными шутками: «Не толпитесь на перроне, не поможет вам экспресс. Очень быстрые нейтроны на Чернобыльской АЭС».

Но это был смех сквозь слезы. «Самое страшное, убивающее морально состояние было 6–7 мая, когда в народе распространился слух, что реактор вот-вот взорвется. Мол, после взрыва образуется гигантская воронка, которая поглотит весь Киев», — рассказывал «ФАКТМ» второй секретарь ЦК ЛКСМУ Валерий Цыбух.

В первой половине мая всех киевских школьников начали вывозить в пионерские лагеря. «Киев без детей словно вымер. Было страшно смотреть на опустевшие детские площадки», — вспоминал Иван Плющ.

«ОКОЛО ДЕСЯТИ ВЕРТОЛЕТОВ РУХНУЛИ НА ЗЕМЛЮ»

— В первые дни после аварии ни мы, сотрудники станции, ни съехавшиеся со всего СССР ученые не могли дать однозначного прогноза: что будет дальше, — рассказывал бывший главный инженер объекта «Укрытие» **Вадим Грищенко**, с первого дня участвовавший в ликвидации последствий катастрофы. — Опасались повторного взрыва. Чтобы его предотвратить, решили забросить в жерло разрушенного реактора тысячи тонн смеси бористого песка с другими материалами, гасящими цепную реакцию. Для этого выдвинулся из Афганистана вертолетный дивизион генерала Антошкина в полном составе (три основных полка и один вспомогательный) переброшенные в Чернобыль. Представляете, боевые летчики, которые прошли войну и надеялись, что самое опасное в их жизни уже позади, попали в еще более страшную мясорубку!

Чтобы сбросить груз в цель, нужно было пролететь на небольшой высоте непосредственно над руинами, полыхавшими жаром и излучавшими сотни рентген. На вертолетах установили телекамеры, и если какой-то экипаж промахивался, начальство выговаривало: мол, что же это вы, ребята, струсили, будьте добры, выполняйте задание. Обычно через два-три дня пилотов увозили в госпиталь. Либо из-за облучения, либо из-за аварий. Около де-

сятка машин рухнуло на землю: они цеплялись за провода или попадали в тепловые потоки, поднимавшиеся от реактора. Первые десять дней температура в нем превышала тысячу градусов! Такой тепловой поток мог раскрутить вертолет в воздухе и отбросить в сторону. Однако в результате авиакатастрофы никто не погиб. Насмерть разбился лишь один экипаж — капитана Владимира Воробьева. Это произошло в октябре, под конец строительства саркофага.

В тот день на площадке объекта «Укрытие» проходил митинг. Саркофаг еще не закончили, но уже возвели «великую стену», прикрывшую основную развал. И решили это отпраздновать. А какой праздник без торжественного собрания? Длинная «рука» бетононасоса подняла красный флаг. Военные музыканты, по команде сняв респираторы, заиграли марш. Звучали речи, вручались грамоты.

А под конец митинга в небе появились военные вертолеты. Они по очереди подлетали к саркофагу и поливали его дезактивирующим раствором. Такой эффектный кадр съемочная группа Западно-Сибирской студии кинохроники упустить не могла. Кинооператор Виктор Гребенюк вел панораму за вертолетом, и вдруг... машина «слоткнулась» и устремилась к земле. Через несколько секунд все заволочило черным дымом...

«ДЛЯ СОЛДАТ, ЧИСТИВШИХ КРЫШУ ОТ КУСКОВ ГРАФИТА, ИЗ СВИНЦА ДЕЛАЛИ ДАЖЕ ТРУСЫ»

Одной из самых драматических операций по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС была очистка крыши станции от кусков графита. Занимавшиеся этим солдаты-срочники за 30—60 секунд работы получали такую дозу облучения, что их в тот же день вывозили в чистую зону. По свидетельствам офицеров, парням вручали по тысяче рублей в конвертах и, как правило, увольняли в запас независимо от того, какой срок они прослужили.

— Прежде чем направить очередную пятерку солдат сбрасывать с крыши графит, их предупреждали, что задание очень опасное, поэтому они могут отказаться, — рассказал **Юрий Самойленко**, в 1986 году — заместитель главного инженера по ликвидации аварии на ЧАЭС. — Я знаю это наверняка, поскольку руководил теми беспрецедентными работами. Очистка крыши продолжалась примерно месяц: с сентября по октябрь 1986-го. За это время там побывали около пяти тысяч солдат, но отказались выполнить задание только пятеро, призванных из Латвии. Генерал нашего штаба устроил этой пятерке жуткий разнос. После этого парни на следующий день просились на крышу, но их отправили обратно в часть.

На крышах был самый высокий радиационный фон, при котором пришлось тогда работать людям. Из взорвавшегося реактора на близлежащие крыши (в основном вентиляционного блока) вылетело около 300 тонн графита и металлические сборки с ядерным топливом. Эти сборки представляли самую большую опасность — фон рядом с ними составлял 10 тысяч рентген в час. Поэтому при инструктаже солдатам втолковывали: ни в коем случае не прикасайтесь к металлическим предметам.

Крышу с разных точек снимали телекамеры, транслировавшие картинку на мониторы в штабе. Пятерке бойцов на экране показывали, какие куски графита они должны сбросить (вручную или лопатами). Солдаты также видели на мониторах, как подобную работу в этот момент выполняют их товарищи. До места задания они добирались бегом, работали там 30—60 секунд и по сигналу сирены бежали обратно.

Прежде всего нужно было защитить жизненно важные органы солдат. В воинских частях делали доспехи, обшитые листами свинца толщиной 2,5 миллиметра, которыми прикрывали торс. Изготавливали даже свинцовые трусы в виде полоски, крепившейся к поясу. Свинцовой пластиной защищали затылок, на руки надевали просвинцованные перчатки (в подобных работах врачи-рентгенологи), а на глаза — очки из толстого плексигласа. Органы дыхания защищали респиратор. На спинах — номера, это помогало отслеживать действия каждого солдата...

Фото: Михаил КОС-ТИНА

К 30 НОЯБРЯ, СПУСТЯ ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ ПОСЛЕ НАЧАЛА РАБОТ, ОБЪЕКТ «УКРЫТИЕ» (САРКОФАГ) БЫЛ ПОСТРОЕН

Какой ценой далось выполнение грандиозной и опаснейшей задачи? Об этом «ФАКТЫ» рассказал один из руководителей беспрецедентной стройки **Николай Штейнберг**, назначенный в 1986 году, после аварии, главным инженером Чернобыльской АЭС.

— Строительством объекта «Укрытие» ведала, по сути, военная организация — Министерство среднего машиностроения СССР. Там работали профессионалы, постоянно имевшие дело с источниками радиации.

Сразу избрали правильную стратегию — выполнять работы в основном дистанционными методами. Операторы находились в хорошо защищенных местах — подземных бетонных помещениях (в одном из них располагался и штаб строительства). «Глазами» им служили телекамеры, картинка с которых передавалась на экраны пульта управления.

Чтобы на стройплощадке находилось как можно меньше людей, огромные элементы сооружения, весом до 180 тонн, доставляли уже в собранном виде.

Грандиозные металлоконструкции собирали на относительно чистых площадках, а затем с помощью сверхмощных кранов устанавливали на предназначенное место. Совсем без участия человека при монтаже обходиться не удалось: трем-четырем рабочим приходилось каждый раз идти в эпицентр. Никто из них выше допустимой в аварийной ситуации дозы — более 25 бэр — не получил.

Правики потушили огонь, получив при этом огромные дозы облучения. Начальник пожарной части майор Леонид Телятников был в отпуске, но присоединился к подчиненным и непосредственно участвовал в тушении крыши.

Врачи шестой московской боль-

Это пять предельно допустимых доз для персонала нормально работающего ядерного объекта. Кстати, платили нам также пятикратно увеличенную зарплату.

Была, к счастью, довольно безопасная возможность хорошенько осмотреть стройплощадку из похуже на батискаф камеры, сделанной из стали и свинца со специальным свинцовым иллюминатором. Кран поднимал камеру с людьми и переносил к любому интересующему нас объекту. Строительство и конструирование «Укрытия» велось одновременно по чертежам, выполненным в одном из ленинградских НИИ. Бывало, у нас в штабе возникала идея, с ней наш человек летел в Ленинград, и тамошние коллеги в кратчайшие сроки просчитывали и вычерчивали все в деталях. А случалось и так, что мы выполняли работу по своим наброскам, а затем оформляли документацию задним числом.

Больше всего на объекте было водителей. Ведь чтобы непрерывно доставлять необходимое количество бетона, понадобились тысячи грузовиков. В зоне отчуждения, в 16 километрах от Чернобыльской АЭС, в рекордные сроки построили четыре бетонных завода. Их продукцию везли на стройплощадку днем и ночью: в какое время суток ни посмотришь на трассу, по ней, растянувшись на многие километры, шла колонна грузовиков. Чтобы обеспечить круглосуточную работу, в небо над реактором подняли аэростат, освещающий стройпло-

щадку двумя мощными прожекторами.

Грузовики, курсировавшие по относительно чистой территории, не имели специальной защиты. Они доезжали лишь до перегрузочной эстакады, находившейся в шести километрах от объекта. Там бетон принимали «грязные» грузовики-миксеры, кабины которых были обшиты свинцовыми листами. Их водители работали в обычных спецовках, но надевали респираторы. Эти автомобили доставляли бетон к специальному насосу, направлявшим его в тело саркофага. А начали возведение стен с того, что выстроили рядом десятки железнодорожных платформ и грузовикотрейлеров и залили их бетоном. Таким образом, машины и платформы сыграли роль армированного фундамента.

Стены возвели необычайно толстыми — до десяти метров! Кстати, еще больший слой грунта пришлось насыпать вокруг саркофага. А вот его кровлю сделали относительно тонкой — лишь из одного слоя листовой стали — чтобы не рухнула.

Конкретная дата окончания строительства не назначалась. Просто ставилась задача завершить его как можно быстрее, чтобы не допустить дальнейшего распространения радиации.

Когда саркофаг был построен, три инженера подняли флаг на расположенной рядом с ним вентиляционной трубе. Абсурдная идея, я считаю, но пусть она останется на совести тех, кто ее придумал и осуществил...

«ПОЖАРНЫЕ СРАЗУ ПОСЛЕ ВЗРЫВА ЧЕТВЕРТОГО ЭНЕРГООБЛОКА ПОТУШИЛИ ПЫЛАВШУЮ КРЫШУ МАШИНОГО ЗАЛА, НЕ ДАВ ОГНЮ ПЕРЕКИНУТЬСЯ НА ДРУГИЕ РЕАКТОРЫ»

— Все четыре ядерных реактора ЧАЭС имели общий очень длинный машинный зал, — рассказал полковник внутренней службы в отставке **Михаил Святенко**. — После взрыва четвертого реактора вылетевшие из него куски раскаленного графита упали на крышу машзала, покрытую

20-сантиметровым слоем битума. Битум воспламенился, возникла угроза, что пожар по крыше перекинется на другие реакторы, а это могло привести к выбросу радиации и из них. Двадцать восемь пожарных под командованием молодых лейтенантов Виктора Кибенка и Владимира

ницы, куда доставили пожарных, не смогли спасти жизнь обоим лейтенантам, а также сержантам Василию Игнатенко, Николаю Ващуку, Владимиру Тишуре и Николаю Титенку. Они умерли от острой лучевой болезни, похоронены на Митинском кладбище в Москве.

Подробно о причинах аварии на ЧАЭС читайте в статье **Бориса Горбачева** «Чернобыльская катастрофа: политика везде и всегда», размещенной на портале www.fakty.ua

Публикацию подготовили **Александр ГАЛУХ** и **Игорь ОСИПЧУК**, «ФАКТЫ»